

СОГЛЯДАТАЙ

В «Бродячей Собаке»

В подвале «Бродячей Собаки» состоялся вечер Маяковского, недавно обновившего свою известность бурным инцидентом на одном из предшествовавших вечеров. Подробности последнего, к сожалению, не могут быть приведены, так как в печати по необходимости эти «подробности» заменяются точками. Во всяком случае для успеха нового выступления потребовалось заявление Н. И. Кульбина о том, что Маяковский на этот раз будет вести себя в стиле Louis XIV.

«Король-Солнышко» выступил с докладом, в котором, несмотря на отвлеченное задание, пытался определенным образом осветить отношение футуризма к войне. Хотя Игорь Северянин и был за свое известное «пройтись по Морской с шатенками» назван беспринципным, однако никакого принципа, кроме простого восхваления смерти и разрушения

(«Слава взрывавшим фугасы!
Слава сметающим крепости!»),

из доклада Маяковского вывести было нельзя.

Отводя моральные вопросы в исключительную компетенцию «помощников присяжных поверенных», Маяковский тем не менее патетически перечислил жертвы, принесенные футуристами на алтарь отечества, хотя при такой конструкции футуристы оказываются просто рыцарями разрушения.

Футуризм пытается в наше «зажиревшее ухо втиснуть нежное слово». В приложении к войне выражение «безумье и ужас» уже не запугает нас, и потому футуристы ломают и комкают язык, чтобы добиться первичной остроты впечатления. Однако, например, слово «железовут», в котором должны слышаться и лязг железа, и чье-то непобедимое притяжение, и ужас, последнего во всяком случае не вызывает, несмотря на все уверения Маяковского. Впрочем, это уже — дело нервов.

Стихотворения Маяковского, представляющие в звуковом отношении невыносимую какофонию, хороши тем, что не являются принадлежностью футуристической теории, — хороши своей острой и выпуклой образностью.

«Сквозь жизнь я тащу миллионы огромных и чистых Любвей и миллион миллионов маленьких, грязных любят».

«Черствая булка вчерашней ласки».

«Ковно ломает ломкие пальцы улиц».

«Птица подбирается песней».

Эти живые места проблематически делают возможным добрососедские отношения футуристов с представителями других течений, как это осуществлено уже в недавно вышедшем сборнике «Стрелец».

К сожалению, Маяковский производит впечатление жестоко ушибленного критикой человека. На фоне его храбрящейся, эпатирующей наглости убедительно звучала искренняя и взволнованная речь «папы русского футуризма» Н. И. Кульбина.

«Тонко-художественное общество», собравшееся в подвале, с равным жаром аплодировало и дерзаниям Маяковского, и остроумным словам Озаровского, с иронией предложившего Маяковскому звание «пушкинского стипендиата».

